

Н.Я. Аристов

Московские смуты во время правления Софьи Алексеевны

<...> Простых домах таких речей говорить не пристойно». Государи указали «бить батоги нещадно и написать с городом по Алексину». И потом «пожаловали, на милость положили, батоги бить не велели, а велели быть по прежнему с городом по Алексину». (И. С. 3. II. № 1098).

Из этого факта, равно как из других случаев ясно видно, что правительство после волнений народных не думало стеснять дворян и прощать их за уголовные и государственные преступления (*Желябужский*. 9). Правительство Софии чувствовало, что борьба с боярами, которые так близки к нему и заправляют всеми делами, как покорные слуги, будет для него тяжелее отрывочных земских смут, которые подавило при посредстве боярской же силы. Борьба с боярами должна была неизбежно повести к уничтожению их прав и возвышению земства, к освобождению крестьян и к другим радикальным реформам; но царевна и Голицын, при своей уклончивости, не могли решиться на этот смелый шаг; тогда бунты и волнения охватили бы Россию; поэтому они стали подавлять проявления народных стремлений, направленных для уничтожения силы бояр. Необходимость приводила к практическим расчетам — щадить своих приближенных, которые от полумер правительства становились настойчивее в своих действиях и заявлениях.

По областям находились люди, которые привержены были к той или другой партии придворной и служили отголоском более открытым, чем московская власть. Одни разглашали грозные слухи для Софии, другие хотели возбудить народ против Натальи Кириловны. Распространение этих слухов принадлежало преимущественно сосланным из Москвы разным лицам; слухи бродили особенно на юго-западе России, где возбуждено было предубеждение против московского государства со стороны Польши, а также в древних вольных городах Новгороде и Пскове. Весьма характеристический случай был в Пскове 1684 г.; чернец Печерского монастыря Иоасаф Сарап, «пьяница и озорник и всяким крамолам великой составщик», хотел воспользоваться смутой стрельцов. Он в Пскове по образцу московскому «возмущал народом и стрельцов наговаривал на всякое дурно, чтоб сметение учинить и бунт завести». Скованный, сидя за караулом, он, «замяная свое воровство, сказал за собою государево слово»; а на допросе показал, что в мае 1684 г.

приходил к его темнице стрелец Семен полку Пушечникова под видом монаха, «наложено у него чернеческое платье собою», и говорил Сарапу, «что де пришел он во Псков, чтоб наговорить во Пскове стрельцов и козаков, чтоб побить дворян всех и на Москве побить бояр всех **на Семен день**; а как де бояр всех побьют и чернь овладеет, и после де того побьют великую государыню Наталью Кириловну и царя Петра». Все это Сарап разболтал под пьяную руку во Пскове, когда в Новгороде «учал быть совет к бунту». (*Доп. к А. И. XI, № 74*).

Какни ничтожны подобныя заявления, они для царедворцев имели значение и возбуждали горькую думу о минувшем в приверженцах Нарышкиных. Возможность новаго появления бунта, направленного против Петра, служил для их сдержки; а в то же время неосторожных недругов Софии, Шекловитый подвергал допросам и пыткам; некоторых ссылали в Сибирь. В 1685 г. нояб. 7, «за многое воровство и за непристойные и к смуте заводные слова» сослан с Москвы на Верхотурье капитан стрелецкий Ив. Тавкунов в женою Любавою; «велено держать его за крепкою сторожею, до тех мест, как об нем прислан будетуказ». (*А. И. V, № 130*).

Но этими частными ссылками нельзя было конечно вырвать с корнем ненависть к себе враждебных лиц: она развивалась по мере прежних боярских счетов; а злоба против В. В. Голицына росла не по дням, а по часам. Самую громадную его заслугу старались очернить враги его: по поводу заключения вечнаго мира с Польшей, бояре распространили злую весть, будто **сберегатель** взял большую взятку с польских послов. Слухи и сплетни усиливались на счет правительства, которое, однако, не слишком резко относилось к своим неприятелям. У правительства видимо не хватало настойчивости в серьезных столкновениях и, осуждая за разные вины бояр, оно только им показываю **ему** закона и государства; а сущность дела оставалась та же и преступныя лица тотчас получали прощение или ничтожное наказание и раздражались еще сильнее. Подобных случаев повторилось много в 1686 г. Когда умный и деятельный временщик В. Голицып ворочал правительственными делами, родовитые вельможи хотели выдвинуть против него счеты местничества; особенно врагами его были старинные князья Долгорукие. Однажды велено было им состоять **в рындах** вместе с Голицыныными; несколько лиц из фамилии Долгоруких скрылись, чтобы поддержать старыя нрава местничества и вместе с тем не раздражить сильно правительства; но царевна велела унижить их **до степени городских дворян**, а у иных отнять поместья и вотчины. Тогда они со слезами просили милости, оправдывались под разными предлогами и их простили. Очевидно, правительство Софии не могло действовать так независимо и произвольно, как обыкновенно кажется: оно

встречало противовес постоянно со стороны приверженцев Петра, потому что во всех государственных делах нельзя было обойтись без его подписи и, следовательно, без доклада его сторонниками. Партия лиц, приближенных к Петру, становилась год от году сильнее и настойчивее в своих действиях.

Люди, искавшие личных выгод и недовольные разными отношениями, старались воспользоваться случаем для унижения недругов своих и пускали в дело наущничество и раздували домашний смысл речей. Прислуга обыкновенно играла здесь немаловажную роль.

Когда София в 1686 г. торжественно стала являться в большие праздники в крестных ходах, а Петр редко бывал в них, тогда злоба сильнее и сильнее накапливалась у врагов ее и стали ей приписывать страшные замыслы. Сплетни и пересуды переносились из Кремля в Преображенское и обратно; тайным обвинениям и предположениям не было конца. Прислуга, в чаянии награды, охотно переносила вести с прибавками. Мы не знаем подробно всех секретных замыслов и толков на стороне Натальи Кириловны, потому что из ее приверженцев впоследствии не был никто под судом и следствием, не выносил страшных пыток и только открыто хвалился своею приверженностью к Петру. Но страшное дело Шакловитаго раскрыло даже все тайные невинные домашние речи, направленные против партии Нарышкиных; дело это коснулось и частных сплетен. Царицыны постельницы извещали царевну, что «в комнате их говорят про нее непристойные и бранные слова и здравия ей не желают, а пуще всех Л. К. Нарышкин и князь Борис».

По заключении славного вечного мира с Польшей, друзья Софии задумали писать в актах полный титул царевны наравне с государями и провозгласили ее *самодержицей*. Это обстоятельство страшно встревожило Нарышкиных, и Наталья Кириловна не утерпела, открыто стала грозить правительнице силой своих приверженцев; она прямо сказала ей сестрам и теткам: «Для чего царевна стала писаться с великими государями вместе? — У нас люди есть, и того дела не покинуть». (*Из дела о Шакловитом*). Приверженцы Петра, ругая Софию, жаловались на умаление власти его: стольник Языков открыто говорил, что имя царя Петра видим, а бить ему челом никто не смеет. За эту неосторожность Шакловитый подверг его пытке и выпроводил из Москвы.

Друзья Натальи Кириловны жаловались также, что София удалила из дворца царицу и стесняет ее на каждом шагу, хотя эти жалобы были по обыкновению преувеличены. Неприятные отношения партий усиливались; Нарышкины начинали вмешиваться в дела

управления и оспаривали распоряжения царевны. Такое натянутое положение дел естественно привело к мысли правительницу и ее приверженцев — упрочить свою власть и силу посредством торжественного венчания на царство Софии, чтобы никто не смел злословить помазанницу Божию. Более всех хлопотал об этом Шакловитый, произведенный царевной из бедных подъячих в окольничие.

В августе 1687 г. он стал предлагать некоторым начальникам стрельцким, чтобы они били челом государям о венчании на царство правительницы Софии и обещал написать челобитную для подачи. На сомнение стрельцов — послушает ли их царь Петр, Шакловитый отвечал: примет челобитную, если вы задержите Льва Кириловича и **кравчаго Бориса Алексеевича**; патриарха можно переменить, а бояре — *отпадшее зяблое дерево*, разве-де постоит до поры до времени один князь В. В. Голицын. Но по нерешительности деятелей и отпору со стороны неприязненной партии замыслы эти не могли осуществиться. Стрельцы не в силах были снова стать распорядителями государства и всегда боялись царской власти, особенно когда опыт им показал всю несостоятельность их прежних стремлений — устанавливать наряд в Москве. Между тем, высшие бояре более и более злились **на выходки худородного человека**, который отзывался о них, как о ничтожных безжизненных деятелях, как *о зяблых деревьях*, когда они сами себя считают *столбами* государства.

При такой постановке обстоятельств, нужно было вести дело правительнице очень искусно, тем более, что за нее стояло не высшее боярство. Существует мнение, будто София, с целью возвышения своего любимца В. Голицына, назначила его в крымский поход; но скорее надо согласиться с теми известиями, которые говорят, что он принял начальство поневоле, потому что того требовали враждебные ему бояре. Обстоятельства крымских походов подтверждают эту мысль. Таким образом, ни сама царевна, ни любимец ее Голицын не могли сладить с неприязненным боярским лагерем; сила правления была в руках не у них одних. Это мнение подтверждают и письма Софии к Голицыну, которая не могла дожидаться возвращения из похода своего возлюбленного, и поведение Голицына, который постоянно разведывал чрез Шакловитаго о проделках враждебных ему бояр и говорил в последствии: «друзей и недругов было у меня много». Голицыну и в войске делали обиды, как, например, однажды стольники, князь Борис Долгорукий и Юрий Щербатый приехали с людьми своими на смотр в трауре на лошадях, покрытых черными попонами. Предводитель войска не мог с ними ничего сделать и выпрашивал им в Москве примерное наказание: «если не будет указа, заключает он, то *делать нам с ними нечего: чтоб не потакнуто было*; так бы разорить, чтоб вечно в

старцы, — и деревни неимущим того часу раздать; учинен бы был такой образец, чтоб все задрожали». Но своевольники испугались грозы, готовившейся разразиться над ними из Москвы, в слезах просили у Голицына прощения и он выхлопотал сам же для них милость государскую. Голицын удален был в Крым противниками, вероятно, с целью — поставить на его место сильного человека из своих, и во время крымского похода таким человеком явился было, к великому горю Голицына, князь М. А. Черкасский. Оберегатель великия печати струсил и писал Шакловитому: «всегда нам печаль, а радости мало, не как иным, что всегда в радости и в своевольстве пребывают». При таком положении, Голицын не мог пересилить своих врагов: он был человек мягкосердечный и уклончивый дипломат. Враждебныя выходки против него и немногочисленной партии Софии постоянно подкапывали его приверженцев и набрасывали тень на него. Говорят, что пред вторым крымским походом найден был у ворот Голицына гроб с запиской, в которой заключалась угроза, что если и этот поход будет неудачен, как и первый, то главного воеводу ожидает гроб. Соображая все тогдашния отношения боярския, можно верить этому известию. Около этого же времени, Ивана Бунакова обвиняли в том, что он **вынимал след Голицына**, и подвергли пытке. Если примем во внимание **дело Безобразова**, то по неволе, поставим достоверным и это сведение. Такой нерешительный народ, как приверженцы Софии, не могли действовать с крепкой энергией, какую им приписывали. Известно, что В. В. Голицын провозгласил раз в походе тост за здоровье царевны Софии вместе с царями, и то струсил; он спрашивал тотчас же, какое впечатление произвела эта выходка в Москве. И оказалось — ровно никакой, только воображение его соединяло с этим что-то величественное и необычайное. Сила Голицына была слишком ограничена, а сила партии Нарышкиных возрастала; все это ясно рисуется из писем Сберегателя печати к Шакловитому. Большая часть этих кратких посланий говорит о той ненависти, с какой относились к нему бояре и вельможи, и как старались порочить его службу и очернить его в Москве своими письмами из похода. Многие, не желая его видеть в царской милости, говорили: «напрасно-де старого гетмана сняли, а новаго поставили»; другие распускали молву, будто он Шепелева за бороду таскал, а Борисова — бил. Ф. Ив. Шаховской и В. Д. Мяснов нарочно сообщали ложные слухи в Москву, будто во всех Черкасских городах учинилось смятение; другие в полках говорили, что на Москве вспыхнул бунт. Из писем Голицына видно, до какой степени он не любил бунтовщиков **190 г.**, тогда как он должен остаться им благодарным за его возвеличение, если бы, в самом деле, по интригам Софии усилилось стрелецкое движение. Отвечая на заявление, что враги его злорадуются на счет его неудачи в крымском походе, Голицын, как гуманный человек, отвечал, что отечество должно быть ему благодарно, так как он заключил мир без пролития крови. В отсутствие

Голицына, смуты росли и росли; партия его противников громко заявляла, что один Петр должен царствовать; враги его усиливались — и вести одна другой безотраднее сообщались ему в лагерь: то найдут подметное письмо, то пишут о злорадстве врагов его, то патриарх явно действует против его распоряжений. И с грустью он отвечает: нам всегда печаль, а врагам веселье. Он отлично знал бояр, против которых хотел было ратовать и видел их силу; поэтому говорит: «А что посылал к Белогороцкому розыскивать про Волконскаго, и то сыскано не будет, все будет закрыто». (*Письмо 18 в деле о Шакловитом*).

Духовенство, как и боярство, разделилось на два лагеря: высшее примыкало к стороне правительства и бояр, а низшее стало поддерживать земство и раскол, но последнее должно было не редко жертвовать своими головами, не достигнув цели. Как Никита Пустосвят, так и Хованский имели одну участь, хотя один был духовный, другой — светский деятель. Затем, по усмирении бунтов, когда явились два царя и образовались две придворные партии боярския, тогда и положение духовенства становилось щекотливым: нужно было поддерживать Софию или Наталью Кириловну, примкнуть к родовитым боярам, или увеличить небольшой круг даровитых дельцов, приближенных к правительнице. Это колебание у духовенства продолжалось столько же времени, сколько в дворянстве, и совершенно совпадало с ним. Глава духовенства, патриарх сначала поддерживал сторону правительницы и допустил при торжественных молебствиях провозглашать на многолетии имя ея вместе с именами обоих государей, прежде цариц и старших царевен (*Вивлиоф. X, 137*). Но после он стал горячо вступаться за Петра, когда открылось, что София и ея приверженцы явно действуют против него, принимая под свое покровительство южно-русских ученых и стоят на стороне врага его С. Медведева. Разумеется, Нарышкины внушили патриарху замыслах Медведева, будто он хочет свергнуть патриарха и сам стать во главе русскаго духовенства.

В правление Софии, очевидно, высшее духовенство принимало сторону бояр, отстраняясь от народа и по старинной силе и по установившемуся уважению, имело влияние на дела гражданские, котораго лишилось окончательно в царствование Петра Великого. Вот какой факт заключается в переписке Голицына с Шакловитым: «Пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех, (т. е. от врагов). Для Бога, смотри недреманным оком Черкасскаго и чтоб его в то не допустить, (*т. е. на место Стрешнева*), хотяб патриархом или царевнами (*тетками*) отбивать». Голицын писал, чтоб силу патриарха употребить по его взгляду; а ему из Москвы отвечали, что патриарх вовсе не его приверженец, а идет против него, и пристал к стороне сильных бояр, **побрал из церкви**

в с. Барашах сделанные Голицыным ризы и кафтаны, и служить в них не велел: «О патриаршей дерзости подивляю, пишет бессильный Голицын Шакловитому; отпиши, что порок на тех ризах? То делает все воля; как бы меньше имел вход (*на верх*), тогда б лучше было». Все эти отношения бояр между собою и связь их с духовными лицами чрезвычайно интересны и выясняют ход последующих столкновений в бунте Шакловитаго. Сам Петр в 1689 г. стал уже открыто заявлять о своей силе и правах: 8-го июля он требовал от Софии, чтобы она не ходила в крестный ход, но царица не послушалась и пошла; молодой царь рассердился, не пошел за крестами и уехал из Москвы. Затем он не соглашался на раздачу наград за второй крымский поход, и хотя потом согласился, но не допустил Голицына с товарищами к руке. Когда за дерзкие речи Петр велел арестовать Стрижова и Шакловитый его не дал, тогда он велел посадить под арест самого Шакловитаго, но скоро освободил.

Вражда двух боярских партий повела к ссоре Софии с Петром, хотя у нас обыкновенно принято объяснять наоборот, будто София злоумышляла против брата; составляя заговор на его жизнь. Это мнение, ни на чем не основанное, пущено в ход для возвышения геройской славы Петра, когда его считали чем-то вроде сказочного богатыря. Раздраженные партии старались всеми силами делать неприятности друг другу, распускали нелепые слухи о их планах и злобных намерениях; пущены были в ход переносы и шпионства; молва облекала все это в страшные образы. При таком напряженном состоянии и тревожном ожидании недоброго, достаточно было ничтожного случая, чтобы обе партии стали в оборонительное положение. Так всегда бывает в подобных случаях, когда нет действительных определенно-сформировавшихся замыслов; так было в 1689 г. Подметное письмо, которое следовало бы сжечь без всякой огласки, подало повод к столкновению враждебных сторон и раздуло дело в бунт. Каждая партия боялась врагов и ожидала движения с противной стороны: в Кремле думали, что нападут из Преображенского потешные конюхи; а Нарышкины ожидали прихода стрельцов из Кремля. Такое тяжелое подозрительное положение скоро должно было разрешиться и кончиться преобладанием одной стороны<...>

<...>Доселе принято было смотреть на смуту 1689 г. глазами сторонников Петра и считать только несомненными их показания, основанные на доносах шпионов и пройдох, которые рады были случаю в мутной воде рыбу ловить. Если же мы хотя в половину будем верить показаниям подсудимых, то выведем заключение, что в словах Софии и Шакловитаго много правды, именно: партия Нарышкиных объявила правительнице последнюю борьбу и вышла совсем из ее подчинения; она искала только случая осилить

врагов своих, не стесняясь в выборе средств. Поэтому все дело основано было на изветах и доносах, так что Шакловитый справедливо заметил: Ларион Елизарьев и другие изветчики, ставшие с Ив. Цыклером, затеяли напрасно. Если бы не подсудимым, а следователем явился Шакловитый, то главные приверженцы Петра непременно оказались бы государственными преступниками в отношении к царю Иоанну, и тогда они поменялись бы ролями с Б. Голицыным. К такому заключению приводит последняя служба Шакловитаго в пользу царевны; это — его **сказка ко всем чинам московского государства** для оправдания деятельности Софии, что она приняла правление государством по челобитью народа и в самое смутное время; а теперь Нарышкины безчестят ее и ее брата, царя Иоанна Алексеевича, к руке его не ходят, прибрали потешных конюхов, от которых многим людям чинятся обиды и насилия, а Петр не дает ответа, когда бьют челом на них; комнату царя Иоанна забросали поленьями и изломали его венец.

На новые требования выдачи Шакловитаго, София отвечала, что сама отправится к Троице вместе со старшим братом. Если бы София хитрила, чувствовала себя виноватой в отношении к Петру, она не позволила бы себе ехать к нему и открыто говорить пред народом, имела бы время убраться за границу; София всегда действовала прямо и со стрельцами не церемонилась. На сторону Петра перешли все иностранцы и у Троицы дела велись тайно и хитро, доносы сыпались один за другим; прибывшие иноземцы поцеловали у царя руку, и он сам поднес каждому по чарке водки. Толпа стрельцов, желая прекратить тревоги, пришла в Кремль и требовала выдачи Шакловитаго. Окружающие царевну уговаривали исполнить их просьбу, чтобы не пришлось поплатиться жизнью многим — и 7 сент. Шакловитый был выдан. В монастыре подвергли его пыткам; он показал, что стрельцов собирали для собственной защиты, а не для бунта, что он на жизнь Петра никогда не умышлял. Мне основательным кажется, что в верности показания Шакловитаго нельзя сомневаться, тем более, что он откровенно упомянул о разговоре с Черным Кузьмой об убийстве царицы Натальи. Филип Сапогов объявлял, будто Шакловитый подговаривал его бросить ручные гранаты, когда пойдет Петр, или убить, во время пожара в Преображенском. Но этому одиночному показанию можно и не верить, принимая во внимание характер розыска о бунте Шакловитаго и весь ход дела.

Проследив все дело, затеянное о Шакловитом и его приверженцах, выносишь тяжелое впечатление: серьезного заговора никакого тут не было: если что затевалось, то это была проба, попытка отделаться от личных врагов — Натальи Кириловны и Льва Кириловича Нарышкиных и от Бориса Голицына. Относительно Петра тут не было и речи.

Если принять во внимание всевозможные стремления петровской партии поймать на всякой мелочи приверженцев Софии и раздуть каждый ничтожный факт, каждое кабинетное интимное слово; если сообразить, что подтверждения искомым данным добывали страшными пытками; то можно увериться, что от болтовни до дела тут было очень далеко, и бунта совершенно нельзя было ожидать. Если Шакловитый подговаривал стрельцов на отчаянное дело, то они никогда бы на него не решились: цареубийства можно ожидать было только со стороны высших бояр. Самые близкие приверженцы Софии с ужасом выслушивали одни предположения и намеки на страшные кровавые замыслы. Один из самих приближенных к царевне лиц, В. В. Голицын, не одобрял никогда крутых мер, даже венчание на царство правительницы считал делом великим, а С. Медведев, услышав о преступных замыслах, грозил страшным судом тем, кто вздумал бы возстать против царя. Раз, известный изветчик, Ларион Елизарьев пришел к Медведеву и со слезами говорил: пришла-де на нас беда великая, не знаем как быть, призывал нас Федор Шакловитый, меня да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброську Петрова и говорил, что им тайно в ночь побить боярина Л. К. Нарышкина, да кравчаго кн. Бориса Алексеевича и иных. Медведев отвечал ему: «если вы так сделаете, то пропадете и с Федором здесь и в вечное душами; скажите ему Федьке, что вам того дела учинить одним невозможно, а иным говорить вы о том не смеее, говорил бы он сам». При одном известии о решительных средствах упрочить свое положение цареубийством, ужас оковывал самых приближенных любимцев Софии, выгодное положение которых было тесно связано с ее силой; и они с отвращением отвергали кровавый план. Таким образом, в результате оказывается, что серьезных замыслов совсем не было. Правительница хорошо знала и испытала, что именем царей и в защиту их против стрельцов можно собрать силы целой русской земли; но против них нельзя двинуть и шести приверженных энергических лиц. Вообще, из следственного дела о Шакловитом, которое я основательно изучил, ясно видно, что партия Петра хваталась за каждый ничтожный случай для обвинения своих противников. Явные нелепости, которые приписывали главным приверженцам Софии, дают прекрасный случай оценить степень достоверности и других изветов и судить о ходе самого производства дела. Всякая сплетня, распущенная обусурманившимся козаком, каждый извет ловкаго схимника или пройдохи поляка — все служило для обвинения противников партии Нарышкиных. Сами следователи едва ли не лучше нашего знали, что многие изветы или ложны или преувеличены и чуть ли некоторые не ими подстроены; по крайней мере, есть такое же основание подозревать их в заговоре против Софии и ее друзей, на каком обвиняют ее приверженцев в решительных замыслах против Петра. Сочли же преступником Шакловитаго на следствии за то, что он

называл бояр отпадшими зяблыми деревьями и говорил о царице Наталье Кириловне, что она в Смоленске в лаптях ходила. Очевидно, боярская партия не терпела этого выскочки и желала, во что бы то ни стало, стереть с лица земли своего зазнавшегося врага.

Мне нет нужды излагать подробности дела о Шакловитом и для избежания этого я поместил целиком в приложении отрывки из подлинного розыска, — для моей цели достаточно указать на громадное разногласие между его показанием и заключением судей. Шакловитый высказал, что у него не было мысли покушаться на жизнь Петра, а судьи обнародовали в приговоре, что он сознался во всех вводимых на него богопротивных замыслах. Он заявлял, что о перемене патриарха и об убийстве царицы Натальи был только разговор, и тем ограничилось дело, а в приговоре прямо означено, что чуть-чуть не исполнено. Он показывал, что стрельцов в Кремль вызвали из опасения нападений сторонников Петра, а эти же сторонники толковали народу, что он собрал вооруженных стрельцов ночью с целью — убить царя Петра. Поэтому враги величали его прямо вором, клятвопреступником и т. и. (*См. в Прилож. стр. 21—22*). «В ночи на 8 авг. в царствующем граде Москве, не боясь Бога и страшного его суда прещения, забыв свое обещание и их государскую премногую милость, пременился в сосуд Дявола, якоже Иуда Христа предатель, клятвопреступник и изменник Федька Шакловитой, с такими ж ворами и клятвопреступниками и изменниками, с товарищи своими учинили в стрелецких многих полках возмущение многолюдного собрания с ружьем тайно; а по воровскому своему злomu намерению, тот вор и клятвопреступник с товарищи хотели придти в с. Преображенское для злохитрственного своего ухищрения на их государское здоровье и милостию всесильной Троицы». Царь с матерью сохранены и соблюдены... Клятвопреступники и изменники переиманы «и по розыску в том своем воровстве на их государское здоровье в умысле и во всенародном возмущении и в иных своих многих воровствах винулись, и за то их воровство и умышление» Шакловитой с товарищи казнен смертию, а товарищами его языки резаны и учинена торговая казнь, и сосланы в ссылку.

Повод к разгулу страстей человеческих был подан сильный: кто хотел забить окончательно своего недруга, кто доносом и изветом желал выползти в люди, а кому нужно было удовлетворить жажду корысти. Мы видим, как все изветчики выпрашивают себе награды за верную службу, пожитки и дома сосланных лиц. Время правления Софии было временем доносов и интриг, когда каждая партия, каждое лицо искали своих целей при помощи боярских столкновений и придворных смут. Как лекарь Берлов был доносчиком на Артамона Матвеева и на Ивана Нарышкина, так и Елизарьев утопил Шакловитаго и Цыклера, действуя в пользу Петра. Нет сомнений, что Шакловитый имел

побуждения отделаться от Нарышкиных, как врагов своих, чтобы дать простор деятельности царевны, и у него бродила мысль воспользоваться силой стрельцов. Он все приобрел по милости Софии и всего сразу мог лишиться; он вылез из людей незначительных и ничтожных в чин окольничества, **сделался наместником Вяземским** и заправлял всеми почти делами. Ему была интерес удержать Софию на троне, иначе самому грозила первобытная судьба. Враги его добивались головы дерзкого выскочки, управлявшего боярством и его судьбами, и преувеличили его замыслы. Весьма знаменательное известие передает в своих записках свидетель событий тогдашнего времени, П. Гордон: когда распространился слух сент. 8, что Шакловитаго будут казнить после первой пытки, то многие из служилых людей собрались в монастырь, по их словам, служа в. государю, били челом, чтоб велено было Шакловитаго пытать еще раз: пусть объявит своих соумышленников!.. Царь велел сказать им, что он показаниями Шакловитаго доволен, а им непристойно вмешиваться в это дело. Другое известие говорит, будто Петр не находил виновным и не соглашался на казнь Шакловитаго с товарищами; но патриарх и царские приближенные настояли, чтобы они были преданы казням.

По делу Шакловитаго привлечен был к суду другой выскочка не боярского рода, но человек с сильной душой и широким образованием, это — С. Медведев, который позволял себе критически относиться к области церковных дел и к личностям высшего духовенства. Обвинив его в ереси за книгу «Манна хлеба животнаго», враги запутали его и по политическим делам. Вот какие вины его вычислены в смертном приговоре 5 окт. 1689 г.: Медведева казнить смертью «за воровство, и за измену, и за возмущение к бунту», потому что 1) Шакловитый приезжал к нему и беседовал о убийстве царицы Натальи Кириловны и о короновании царевны Софии Ал.; 2) к нему приходили изменники стрельцы Оброська Петров, Никитка Гладкой, Алешка Стрижов с товарищи и говорили о злых умыслах, и о возмущении ночного бунта, и о побиении бояр и ближних людей; 3) он говорил, что сторона Петра повезет дней на 10, а потом опять сила царевны возьмет свое; 4) говорил непристойные слова про патриарха и держал у себя караул; 5) бежал из Москвы с изменниками стрельцами; 6) по приказу Шакловитаго раздавал деньги стрельцам, когда он ездил к гетману. Тот же Филип Сапогов, который сделал извет на Шакловитаго, донес и на Медведева, будто он, вместе с земляком своим, замышлял убить патриарха. Между тем по ходу дела видно, что Медведев и не мог мечтать об этом, находясь в постоянном страхе, как бы патриарх не выслал его из Москвы. О взгляде и отношениях своих к патриарху он высказал, что святитель мало учен и речей богословских не знает, и прибавил: «а караул у меня был от велика дни для того, чтоб патриарх тайно меня не

сослал». Следовательно, правительство Софии уже бессильно было прямо освободить своего сторонника<...>

<...>Когда Голицына отправив в ссылку, Шакловитаго казнили и расправились с другими сторонниками правительницы, сила Петра восторжествовала, Софию заключили в Новодевичий монастырь и приставили к ней стражу для безопасности.

В деле о Шакловитом, мы встречаем разительные факты, как охотно расточались в то время доносы и за ними следовали пытки и казни, как разгаралась игра судьбами жизни человеческой. Старик Безобразов, который приходился сродни Голицыну, должен был отправиться воеводою на Терек, в роде почетной ссылки. Когда он был в Нижнем, бежали его два холопа и донесли на него, что он был в близких сношениях с Шакловитым и подкупал разных колдунов, чтобы они своими чарами приворожили к нему царя Петра и царицу Наталью Кириловну; он хотел, во что бы то ни стало, остаться на Москве. Затянулось дело и запутано было множество колдунов и чародеек; двоих сожгли в срубке, иным исполосовали спины и сослали в ссылку. Сам Безобразов, который был виноват только в том, что выжил из ума, по розыску обвинялся в следующих преступлениях: 1) людей наговаривал к бунту стрельцов, 2) будто его посылают в ссылку на Терек Кирил Полуехтович и Лев Нарышкины, 3) виделся с Шакловитым и говорил наедине в чулане, 4) Шакловитой говорил ему идти не спешно в ожидании бунта, 5) призывал стрельцов под Даниловский монастырь, увещевая к бунту, 6) приказывал жене поить стрельцов, которые к нему прихаживали, 7) из Мурома 6 сент. послал людей проводить на Москве, что делается, 8) ожидал смутного времени 6, 8 и 15 авг., а кончая сент. 1; грамотки Шакловитаго, прочитая драл; 9) шел медленно, ожидая смутного времени; 10) писал к Шакловитому и памятки посылал, таясь от людей своих; 11) посылал людей с неволею искать волхвов и ворожей; 12) на Коломне ворожил ему Ганка житель, запершись в чулане; 13) в Касимове приводили татарку и она ворожила на деньгах и гадала про здоровье царя Петра и его матери: долго ль им жить, и про смутное время; 14) в Переславле Рязанском люди ходили к волхвам и ворожеям, и они ворожили, запершись в чулане; 15) из Муром в Касимов посылал к татарке, **как взять** Шакловитый, и ворожил о бунте; 16) в Нижнем призывал многих волхвов, посылая верст за 50 и больше; 17) волхву Дорофейке велел указать царя Петра, и он на него и на мать наговаривал; 18) жена Безобразова Агафья велела написать на семи лоскутках имя царя Петра и его матери, обертывала вокруг свеч восковых и посылала по церквам; 19) велел он писать памятки по церквам и монастырям с именами в. государя Петра, Натальи Кириловны, Кирила Полуехтовича, боярыни Анны Леонтьевны и детей их всех; да ниже писано: «Молить Бога

о здравии вора и изменника Федки Шакловитаго». 20) ямщиков бил и бросил в воду, наругался; 21) на Кропивне убил до смерти кабацкого голову, да боярского сына Ив. Кулка и многих крестьян побивал. (*Дело Шакловитаго. Свит. № 10, ст. 255—77*). Сознавшись во многих пунктах, Безобразов обвинен был как злодей и посягатель на здоровье царя Петра, за что и отрубили ему голову. Розыскное дело о Безобразове показывает весьма подробно и отчетливо, до каких мелочей доходили следователи и как лезли из себя, стараясь непременно доказать правдивость каждого доноса.

Грустно поэтам и художникам расстаться с прекрасным драматическим сюжетом покушений на убийства Петра Великого, — горько поклонникам западной цивилизации лишиться доказательства в пользу русских революций, или борьбы русского темного невежества со светом блистательного иностранного образования. Однако долг историка требует развеять мечты фантазии и обратить внимание на пристрастие к Петру и на унижение Софии у разных повествователей. Опасных заговоров и злоумышлений на жизнь юного царя не бывало; даже в тайных беседах враждебных его партии лиц, не видим злобных совещаний относительно его благоденствия, а о практических попытках с этой целью, не было и помину.

При усилении партии Нарышкиных, естественно уменьшалась и ограничивалась власть Софии; а когда она вступила в открытую борьбу, то судьба царевны была уже решена. Правительство ее потерпело крушение, как и следовало ожидать: по требованию времени, оно поставлено было между двух огней — или непременно защищать народ, чтобы дать силу земским порядкам, или довершить развитие тяжелой централизации власти и окружающей ее силы боярской. Но оно не сумело отрешиться от московских государственных преданий и не могло окончательно и смело пойти для поддержки требований народной жизни. Не примкнув к друзьям централизации, оно не поддержало и русских людей, искренно преданных земству и старине. Оставшись на середине, оно оттолкнуло от себя всякую силу, способную поддержать его в критическую минуту, и должно было уступить свое место власти более крепкой. Борьба за земские порядки становилась уже опасной и потому не дружной: попытка Разина для горячих людей быта заманчива, но для лиц, более хладнокровных, представляла один печальный исход. Поэтому, в каждой вспышке частных классов общества, в правление царевны Софии, мы видим замечательное явление: обнаруживаются одиночные требования, предъявляются права и стремления; но в то же время бессилие их против окрепшей государственной власти несомненно. Предшествовавшие опыты, неудачи слишком были поразительны и отбивали всякую охоту ввязываться в дело великое и сильное, в порядок

господствующего управления. Все это заставляло участников смут призадумываться, в виду грозной государственной власти, и между народными силами происходила рознь, которая губила отдельные возстания и волнения. В числе земских людей находилось уже много таких, которые не хотели приставать ни к какой стороне.

Время правления Софии есть ничто иное, как проба разных начал остаться господствующими для русской жизни, движение к осуществлению желаний разных классов общества и к пресечению враждебных, наплывных, чуждых русской жизни стремлений. И вот, мы видим во все время борьбу, из которой двигатели энергические не вышли с победой, но все пали по недостатку определенного плана и сознанных стремлений. Чем менее отчетливого понимания в действиях, тем скорее проигрывалось дело, как партии, так и частных лиц. Раскольники хотят восстановить старую веру, но не могут указать основания ея, «не знают ни православия, ни кривославия», — и должны были пасть при напоре силы и вести глухую борьбу. Хованский, стремясь к старине, поддерживая стрельцов и раскольников, стоял вовсе не за народ, а за частные интересы партий; поэтому и гибель его была неминуема. Стремления казаков создать самостоятельное свободное правительство, не одолели силы московского государства: по недостатку организации административной и при крайнем стремлении к свободе, они не могли дать своему обществу прочного устройства и подчинились Москве. Стрельцов представляют отсталыми, врагами просвещения, совершенными янычарами; но на деле оказывается не то: стрельцы являются с казацкими стремлениями, прогрессистами, революционерами в отношении к правительственному дворянству. Они не хотели повторения смут боярских, характеризующих время малолетства Грозного и Алексея Михайловича. Но, защищая царя, они не могли увлечься окончательно демократическими интересами; они шли во имя царя, но в тоже время сделали попытку освободить холопов от крепостной зависимости и хотели поддержать раскольников в их стремлениях к старине и нации. Взятая ими на себя роль оказалась не по плечу: они не привлекли на свою сторону достаточно низшаго класса народа, может быть потому, что исключительно взяли за ближайшие интересы и только раздражили против себя бояр, которые оказались сильнее их в борьбе. Их замыслы увлечь низшее население остались замыслами. И они не повторили широких стремлений ни Разина, ни Пугачова.

Стрельцы — приверженцы Софии, во дни ее силы, держали голову высоко, но в часы ея несчастья и бед все бросились бежать от нее. Не нашлось людей, готовых положить за нее душу, исключая, может быть, одного Шакловитаго. Действуя более по преданию в политике русской, не оставаясь ни на той, ни на другой стороне, прави-

тельство Софии не создало прочной поддержки и неминуемо пало, не имея точки опоры. Стариной выработанное направление — держаться порядка и соглашения всех сторон, без преобладания одного какого-либо класса общества, отразилось на печальном исходе смут в правление царевны Софии. Раскольники выставляют свое дело на суд общества; стрельцы идут открыто за царем и против злоупотреблений бояр. Но эти последние попытки земства выдвинуть свои начала на первый план, оказались недружными и бессильными: ему не удалось поставить преграды приливу новых чуждых слуг государства — иностранцев, которые еще более подкрепили его тяжелую силу. Правительство Софии, усмиряя волнения, обнаружившиеся в разных слоях общественной среды, лишило само себя поддержки.

Смутно, бессознательно поднимаемые политические вопросы в правление Софии, более порывисто и горячо, чем дельно и основательно, должны были кончиться ничем и уступить место силе, упорной и более сознательной и методической. Религиозные стремления раскольников, равно как и стремления стрельцов, были скорее поэтическими вдохновениями, чем ясно созданными стремлениями к утверждению начал, которых они не понимали разсудочно. Борьба бояр в России издавна не принимала резких направлений, а вертелась на личных симпатиях и раздражениях более, чем на стремлениях к власти.

Шакловитый, возвысившийся из мелких подъячих, благодаря С. Медведеву, своему собрату по происхождению и по взглядам, занимал средину между народом и боярами и хотел создать новую силу стрелецкую для поддержки одностороннего правительства. Забывая о земской силе, он с презрением смотрел и на силу бояр; отрешившись от них, он, однако, изображал себя рыцарем с трубами и литаврами. Не имея прочной опоры, он хотел создать силу искусственную на раздражении стрельцов, и с этой целью подсылал подячаго М. Шошина, одетого Львом Нарышкиным, бить стрельцов по караулам ночью, чтобы озлобить их против Нарышкпных. Но эти хитрые меры не привели ни к чему и стрельцы не трогались. Привлекая в Москву южнорусских ученых и усаживая на местах своих родственников, Шакловитый и Медведев не создали никакой силы и не нашли ни в ком искренней поддержки. Либеральничая в области религиозной, поддерживая идеи римско-католическия, Медведев делал это с целью насолить патриарху и врагам своим Лихудам и обнаружить их невежество; но все это кончилось ничем, и он едва не был выслан из Москвы еще в правление Софии. Голицын — виновник уничтожения местничества, как князь и боярин, не мог долго держаться против наплыва пришибенных, но не уничтоженных им местнических притязаний боярства: он не в силах был сразу стать

на сторону народа и быть защитником интересов земства, а полумеры не повели к добру. Боярство не терпело представительства народа и земской силы, и Голицын в критическую минуту остался без всякой поддержки, брошенный князьями и боярами и даже своим сильным двоюродным братом, Борисом Алексеевичем.

На какую же силу он и София могли рассчитывать и опереться? Положим, они держали сторону народа; но в то же время партия Петра не давала им ходу и если бы они повернули круто, — им не сдобровать бы и раньше. Если бы правительство действовало в видах старой партии стрельцов и раскольников, оно, может быть, и обеспечило бы свою силу на время; но вышло совсем иначе. София и Голицын, вооружив против себя дворянство, не имели прямого стремления опереться и на народ, оттолкнули и стрельцов, и раскольников, и не сделали ровно ничего в пользу холопов, не сформировали партии даже искусственной. Такое положение неминуемо грозило падением партии Софии и привело к гибели немногих ее друзей; иначе и быть не могло. Стрельцы, дольше всех державшие ее сторону, оставили ее в критическую минуту. Иностранцы, которым, по-видимому, сочувствовали София и Голицын, а на самом деле не давали им свободы и не позволяли строить церквей католических, перешли на сторону Петра. Принимая сторону Медведева в споре его с патриархом о «Манне», они не терпели католицизма. Ясно, что дело было личное и принципы вовсе не выяснены. В деятельности царевны Софии и Голицына, мы замечаем отсутствие строго выдержанных стремлений и определенного направления. Это — не те деятели исторические, которые попадают в тон движения и симпатии известных классов общества определенного времени и преследуют свои цели до конца. Нет, это были люди незрелые, и которые не могли решиться на крайние средства: самая среда брожения не представляла им сильной опоры. Поэтому, характеристической чертой деятелей было противоречивое поведение и уклончивость. Берут сторону стрельцов, но видят их своеобразные требования несогласные с своими, отличающиеся крайностью, начинают преследовать их. Хотят убавить спесь дворянства и его силу уничтожением местничества; но видят его крайние притязания и ненависть к себе, и злобные выходки, и не имеют настолько твердости, чтобы идти далее и бороться против него. В религиозном отношении хотят быть либералами, поддерживают южнорусских ученых и католические идеи; но не имеют силы против патриарха, который сажает наставниками академии врагов приверженцев правительства.

Таким образом, незначительная пария приверженцев Софии, по-видимому, держалась силы земства, но это только так кажется с первого взгляда; а на самом деле она, по пословице, «от одного берега отстала, а к другому — не пристала». Она стояла в

оборонительном положении и не имела сил достигнуть исполнения своих желаний. Вот почему ее падение совершилось так просто и естественно!